

УДК 821.512.157-31 Ойунский

DOI 10.25587/2782-6635-2023-3-28-37

П. А. Ойунский – писатель романтизма (к 130-летию со дня рождения)

В. Б. Окорокова, Г. Г. Филиппов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ bokorsaisar@mail.ru

Аннотация. Платон Алексеевич Ойунский (1893–1939) – основоположник якутской советской литературы, революционер, крупный государственный деятель. П. А. Ойунский, считавший своим учителем русского писателя революционного-романтического стиля М. Горького, основал поэзию борьбы и бури. П. А. Ойунский был носителем родного фольклора, сказителем-олонхосутом. Потому его произведения на уровне языка, образов и сюжетов тесно связаны с устным народным творчеством. Он как учёный впервые написал научный труд по якутскому героическому эпосу «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» (1927). Также впервые составил классический образец якутского олонхо «Нюргун Бootur Стремительный» в 40 тысяч строк (1932), благодаря чему весь мир узнал это произведение, и олонхо было признано ЮНЕСКО общечеловеческим шедевром (2005). В статье ставится цель исследования истоков художественного метода – романтизма П. А. Ойунского. Вопросом, имеющим актуальное значение, является определение его творческого метода и стиля. В статье ставится цель исследования истоков и принципов художественного метода П. А. Ойунского на основе историко-конкретного метода и генезиса творческих исканий писателя. В результате исследования обосновывается вывод о том, что романтизм Ойунского обусловил его оригинальный, неповторимый стиль в якутской литературе.

Ключевые слова: П. А. Ойунский, якутская литература, романтизм, социалистический реализм, поэт-новатор, тема, жанр, идея, образы, язык автора.

Для цитирования: Окорокова В. Б., Филиппов Г. Г. П. А. Ойунский – писатель романтизма (к 130-летию со дня рождения). Вопросы национальных литератур. 2023, №3 (11). С. 28–37.
DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-28-37

Platon Oyunsyky as a writer of romanticism: to his 130th anniversary

V. B. Okorokova, G. G. Filippov

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ bokorsaisar@mail.ru

Abstract. Platon Alekseevich Oyunsyky (1893 – 1939) was the founder of Yakut Soviet literature, a revolutionary, and a major statesman. Considering the Russian writer of revolutionary-romantic style Maksim Gorky as his teacher, Oyunsyky founded the poetry of struggle and storm. Oyunsyky was a bearer of the Yakut folklore and an olonkhohut storyteller. That is why his works at the levels of language, images and plots are closely connected with the oral folk art. As a scholar, he was the first to conduct a research on the Yakut heroic epic "Yakut tale (olonkho), its plot and content" (1927). He was also the first to compose a classic sample of the Yakut olonkho "Nurgun Botur the Swift" of 40 thousand lines (1932), thanks to which the whole world learnt this work, and the olonkho was recognised by UNESCO as a universal masterpiece (2005). The article aims to investigate the origins of Oyunsyky's artistic method – romanticism. The question of topical importance is the definition of his creative method and style. The article aims to investigate the origins and principles of Oyunsyky's artistic method on the basis of

historical and specific method and genesis of the writer's creative quest. The study substantiates the conclusion that Oyunsky's romanticism determined his original and unique style in Yakut literature.

Keywords: Platon Oyunsky, Yakut literature, romanticism, socialist realism, poet-innovator, theme, genre, idea, images, author's language.

For citation: Okorokova V. B., Filippov G. G. Platon Oyunsky as a writer of romanticism: to his 130th anniversary. Issues of National Literature. 2023. No. 3 (11). Pp. 28–37. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-28-37

Введение

О П. А. Ойунском как об исторической личности, государственном деятеле и писателе написано много статей, книг, монографий. Хотя его роль в становлении якутской литературы и место в литературном процессе изучены довольно хорошо, но до сих пор его личность вызывает споры, а его творчество еще не изучено досконально. В частности, вопросом, имеющим актуальное значение, является определение его творческого метода и стиля. В статье ставится цель исследования истоков и принципов художественного метода П. А. Ойунского.

Творческий путь писателя

Исследователи жизни и деятельности П. А. Ойунского давно выявили объективные причины его отхода от государственной деятельности, которые в основном произошли из-за его разочарования в политике власти и ее отношения к национальной интеллигенции. В свою очередь, изменения, происшедшие в его жизни, обусловили два этапа в творчестве П. А. Ойунского, в которых отчетливо выявляется эволюция его мировоззрения. Первый до середины 1920-х гг. – ранний период творчества революционного поэта. Второй – с конца двадцатых до 1939 г., до самой смерти, он становится умудренным жизненным опытом писателем-философом.

С конца 1920-х гг. П. А. Ойунский решает посвятить всего себя творчеству и научной деятельности. В начале 1930-х гг. учится в Москве в аспирантуре, защищается и становится первым дипломированным ученым в Якутии. В 1935 г. создает научно-исследовательский Институт языка, фольклора и культуры, становится его директором. Составляет план его работы на долгие десятилетия вперед. Но ему не суждено было претворить его в жизнь, так как становится жертвой сталинской репрессии (1939).

П. А. Ойунский работал во всех жанрах литературы: поэзии, прозе, драме. 1920-е гг. были в якутской литературе эпохой П. А. Ойунского: его произведения читались, распространялись, у него учились, и многие молодые писатели пытались следовать его принципам. Но никому не удалось приблизиться к его стилю, и Ойунский остается в якутской литературе одиозной, талантливой, неповторимой великой личностью.

П. А. Ойунского правомерно признают основоположником якутской советской литературы. Также считают его, как правило, писателем социалистического реализма, что совершенно несовместимо с его мировоззрением и его творческими задачами. Действительно, П. А. Ойунский как основоположник советской литературы создал, основал новую литературу с новыми принципами и с новыми идеалами. Дореволюционные якутские писатели критического реализма обличали колониальную политику царизма и показывали судьбу «маленького человека», раздавленного жизненными обстоятельствами. Ойунский стал революционным поэтом, воспевающим новую советскую власть и нового героя-борца.

Советская литература – как сложный литературный процесс понятие объемное, а метод – это его частное проявление. Метод Ойунского – романтизм, в начале творчества у него преобладал революционный стиль, а затем его произведения стали наполняться более глубоким, философским содержанием, что проявилось в его творчестве в соотношении таких его главных идеалов, как Сила и Разум.

Истоки творчества писателя

П. А. Ойунский находил время и для творчества не только потому, что считал создание новой художественной литературы одной из важнейших задач советской власти, но и он сам был насквозь одухотворенным человеком-творцом. Прежде всего был прирожденным сказителем-олонхосутом. Вокруг себя собирал олонхосутов, слушал их пение, выявляя особенности таланта каждого, и сравнивал варианты олонхо. В. М. Новиков-Кюннюк Урастыров также был писателем-олонхосутом, они часто соревновались в пении и много спорили. У революционного писателя Ойунского олонхо было героическое, сюжет насыщен борьбой богатырей, а герои – титаны. В олонхо К. Урастырова сюжет больше всего изобиловал описаниями пейзажа, родины богатыря. П. Ойунский ему говорил: «Вот мы с тобой певцы-сказители, поэтому и жизнь у нас такая трагическая» [1, с. 232]. В народе бытовала поговорка о том, что «у певца нет личного счастья», так как он, проникая в другие миры и общаясь с разными духами, становится особенно человеком, посвятившим себя сохранению традиций народа. Так П. А. Ойунский говорил потому, что у него в то время умирали его дети и родные братья, сестры, а Урастыров в детстве рос сиротой. А. Е. Кулаковский писал: «Я сам природный якут, рос и воспитывался среди косных якутов и вне сферы влияния русского языка... верил во все то, чему верили окружающие...» [2, с. 8]. П. А. Ойунский так же, как и он, впитал все народное мировоззрение с молоком матери. При этом они оба были образованнейшими людьми своего времени, писателями и учеными, глубоко понимающими содержание и значение устного народного творчества.

Будучи юным, он выбрал своими учителями писателей-романтиков, преклоняясь перед их великим талантом, и часто переводил на якутский язык произведения Гете, Петефи, Пушкина, Крылова и Горького. Он призывал молодых писателей учиться у них: «... ради преобразования мира и превращения земли в прекрасное жилище человечества, ради служения интересам нашего счастливого бесклассового общества, – должны овладеть всем культурным наследием человечества... Мы способны будем дать гигантов в будущем, если овладеем литературным наследством таких мировых имен, как Гомер, Фирдоуси, Руставели, создавших великие эпические поэмы, близкие нашему народному богатырскому эпосу, если мы овладеем наследством гигантов, как-то: Шекспира и Пушкина, Гете и Байрона, Горького и Толстого, Роллана и Барбюса» [3, с. 80]. Сам Горький отозвался на произведение П. А. Ойунского: «Не зная языка бурят и якутов-саха, я, наверное, все-таки понял бы прекрасное чувство, вложенное неизвестным мне поэтом-саха, автором поэмы «Красный Шаман, вот в эти слова:

*Пришла пора
Зажечь неугасимые костры
Пламенной свободы
По всем тернистым тропам
Бедственной жизни земли!» [4, с. 97-98].*

Принципы роматизма в творчестве П. Ойунского

Само время борьбы сыграло огромную роль, благодаря чему он стал певцом нового времени, выражителем революционных идей. Дореволюционные писатели были просветителями и путь к счастью народа видели в образовании и развитии культуры. П. А. Ойунского также волнует общечеловеческая проблема – поиск путей к счастью народа, но он этот путь видит в революционном переустройстве мира. Его первое произведение «Песня трудящегося», как вольный перевод «Марсельезы», было написано по заданию Е. М. Ярославского и под влиянием революционных событий 1917 г. Также он перевел «Интернационал». С этого времени начинается точка отсчета начала его творческого пути. В 1920-х гг. П. А. Ойунский становится известным всему народу автором

революционных стихотворений, которые не только мгновенно распространялись, но и становились песнями: «Песня свободы», «Заветы орла», «Власть – Советам!» и др.

Тема борьбы становится главной в его творчестве. В начале своего творчества П. А. Ойунский преклонялся двум своим идеалам – Разуму, как бы продолжая традиции первых якутских писателей-просветителей, и Силе, которую он как революционный поэт впервые провозгласил в якутской литературе. Разум – символ духовной свободы человека, поэт радовался пробуждению сознания темного, забитого народа от вековой спячки:

*Раб пробужден, полон он сил,
Разумом смерть он победил!
Подымайся двуногий!
Полыхай, пламеней!
Тают призраки-боги,
Твой же дух – все моцней!
Вольный, сильный, счастливый,
Воссияй на века! (Перевод В. Корчагина).*

Сила в произведениях П. А. Ойунского олицетворяет борьбу, изменяющую и строящую новую действительность.

*Мы встали, сжимая пику и штык,
Рабочую власть защищаем свою,
Борьбы не страшится орел-большевик
И смерти на бранной дороге в бою (Перевод В. Корчагина).*

Поэтому об Ойунском говорили: «в одной руке он с пером, в другой – со штыком».

П. А. Ойунский создал нового романтического героя в якутской литературе – борца-бунтаря, изменяющего мир, который стал сродни великим эпическим богатырям. Он всегда преклонялся перед великими личностями, изменениями ход истории и приводил в пример известные слова М. Горького о том, что «чем крупней человек – тем дерзка его мечта...»

Герои его времени не жалели своей жизни в борьбе за идеалы социализма и сражались, где бы ни находились, они не боялись смерти, жертвуя ради идеи своей жизнью – «Заветы орла». Ойунский, будучи в плену у белых, в своем стихотворении «Не все ль равно?», посвященном другу М. К. Аммосову, пишет:

*Да, только так, друзья мои!
На путь борьбы мы смело стали,
Чтоб пламя битвы разгорелось
На нашей на родной земле,
Чтоб всем якутам-беднякам
Открылись в будущее двери.
Мы ниспровергнем старый строй!
А где бороться нам с врагами
И где прольется наша кровь –
Не все ль равно?! (Перевод В. Корчагина).*

Сюжеты всех крупных творений писателя основаны на произведениях фольклора, он в то время активно, как никто из других якутских писателей, использовал древние предания и легенды народа.

Его основное творение – драматическая поэма «Красный Шаман» (1917–1925) является образцом романтического произведения в якутской литературе. Сюжет поэмы, по признанию автора, заимствован им из народных преданий: «В основу «Красного Шамана» были взяты две легенды: 1. Борьба шамана Добуна со знаменитым родом Оросиных; 2. Предание о Кудангсе...» [7, с. 118].

Писатель-романтик в своей поэме мыслит образами-символами. Буря, молния – это эпоха волнений, революций; нож, меч – символ борьбы народа; змея, сосущая кровь бедных – символ угнетения; Кутурган Куо (Девушка Скорби) печалится от того, что народ находится в вечном сне, а главный герой Красный Шаман как символ борьбы свою цель видит в пробуждении народа. Поэма «Красный Шаман» – это вершинное произведение писателя, в котором его романтизм проявился во всю свою мощь не только в содержательном аспекте, но и на уровне поэтики.

Проза П. А. Ойунского в плане стиля и метода также стоит особняком в якутской литературе. В своем философском рассказе «Великий Кудангса» (1929) писатель дает ответы на многие волнующие его вопросы. Великий Кудангса в своем величии сопоставим с Красным Шаманом, он также намерен изменить этот срединный мир, вступая в неравную схватку как с природной стихией, так и с общественными явлениями. Но в отличие от него, Великий Кудангса погибает, причем нечаянно обезглавливая мечом самого себя. Со временем концепция писателя о великом человеке-борце начинает претерпевать изменения. Почему погибает Великий Кудангса? С одной стороны, писатель сам объясняет, что деяния великих людей при их жизни никогда не оцениваются должным образом, они, как Кудангса, остаются непонятыми и отвергнутыми. С другой стороны, в таком finale слышится предостережение автора («сэт-сэмэ») – за все в этом мире воздается. Борьба всегда сопряжена жертвами, которые не всегда оправданы.

Эти вопросы наиболее отчетливо освещаются в его другом философском рассказе-притче «Александр Македонский» (1935). Здесь Силу олицетворяет кровавый полководец Македонский, а Разум – его учитель-философ Аристотель. Писатель, хотя и словами героя, но уже прямым текстом заявляет о том, что Македонский, проторивший свой путь мечом и кровавыми злодеяниями, будет проклятым в веках, а мудрый Аристотель вечно будет жить в сознании благодарных потомков. Царь зовет предсказателей своей судьбы. Один мудрец с седой бородой до груди говорит всю правду о нем, что он несчастен и будущего у него нет, и ему тут же отрубают голову. А другой мудрец с бородой длиною до земли говорит, что он счастливый человек, будет жить долго и переживет своих детей. И его оставляют в живых. На самом деле они оба говорят об одном и том же, только первый – открыто, а второй – иносказательно. Само время написания рассказа настораживает. В 1935 г. были осуждены и расстреляны ленинцы: Каменев, Зиновьев и Бухарин, погибли Киров и Орджоникидзе. Гибель соратников сильно встревожила, насторожила П. А. Ойунского. Потому в данном случае в образе второго мудреца выступает сам автор. Писатель понимает, что наступило время, когда невозможно в открытую говорить о событиях настоящего ему времени. Писатель осуждает политику Сталина и проводимую им репрессию. Он, восхищаясь Пушкиным, который в открытую вел борьбу с царем-деспотом, писал: «На пустые обещания Александра I Пушкин написал памфlet. Пушкин считал «кочующего деспота» трусливым, неспособным на большие дела, проще говоря, считал «арлекином» на троне и дал ему следующую характеристику:

*Воспитанный под барабаном,
Наш царь был лихим капитаном:
Под Аустерлицом он бежал,
В двенадцатом году дрожал...» [3, с. 72-73].*

П. А. Ойунский перевел стихотворение А. С. Пушкина «Пророк», в котором лирический герой хочет стать властителем дум и передать народу правду о времени. Он также переводит стихотворение Пушкина «Кинжал», как гневную отповедь коронованному палачу, который кровавым перстом указывает на своих жертв. Хотя параллель между деспотом-правителем XIX в. и Сталиным в 30-х гг. XX века очевидна, Ойунский не мог открыто обличать власть, т. к. он жил в эпоху ее жесточайшей диктатуры. И таким образом, он в своих произведениях способом аллегории, иносказания доносит

правду о советской действительности и свое отношение к ней. Этот рассказ, одно из его последних произведений, может рассматриваться как завещание автора потомкам, раскрывающим его отношение ко времени репрессии.

В 1930-х гг., когда вся литература была направлена на освещение строительства новой жизни и коллективного хозяйства, он написал свое последнее произведение, романтическую повесть «Дитя срединного мира Николай Дорогунов – удалец» (1936). Если герои советской литературы тех лет счастье воспринимают как труд для строительства социализма, то Дорогунов счастье видит в деньгах, любви, женщине. Он – авантюристический герой. Это был ответ П. А. Ойунского, не принявшего метод соцреализма, на появление многочисленных штампованных, безликих, бессодержательных в художественном смысле произведений. Он в своей повести воспел гимн вечной и прекрасной любви. Повесть была напечатана в 1960-х гг.

Особенности стиля писателя

Язык П. А. Ойунского был под стать его героической тематике – эмоциональный, пафосный, ритмичный и богатый приемами устного народного творчества, повторами, параллелизмами, развернутыми сравнениями, метафорой, иносказаниями и т. д. Такой язык подходил революционному пафосу и стилю писателя. Язык его произведений не только сочен, но и выразителен, в нем отражается ритм революционной эпохи, в поэтический язык фольклора он вливает новое содержание.

Его проза также обладает сильной ритмичностью, аллитерацией. Его ритмические ряды в прозе легко могли стать строками стиха и перейти в стихотворную речь, как и в олонхо. При этом в его параллелизмах выступают не только отдельные слова и словосочетания, но синхронизируются целые предложения, имеющие одинаковую композицию, аллитерацию. Каждое его предложение состоит из 80-90 слов, что становится трудно переводимым. Но переводчики стараются донести его особый стиль: «В давние в те времена, в былой той, далекой жизни, жившие предки наши селились отдельными материнскими родами у поросших травой рек, утоляли жажду молоком-кумысом, наедались салом, объедались жиром, щедро, обильно кормила их земля родная, в аласах тесно было от коров, на лугах тесно от лошадей, земля от многочисленных копыт сбивалась в творожистое месиво, так много, видимо-невидимо живности было у них...» [8, с. 56]. Под стать такой земле и герои: «Могучий духом, несгибаемой волей, дерзкий умом, безрассудно смелый Великий Кудангса» «привидению, призраку подобно, одержимый сверхъестественной силой, превратившись в семя огненное, разжег он в горячей крови в бурлящем мозгу рабов и господ незатухающий спор-раздор...» [8, с. 56]. Сам Ойунский писал о трудностях перевода его языка: «Красный Шаман» особенно труден для перевода и вот почему: поэма написана разнообразным языком. Вы здесь встретите легкий, блещущий веселием и смехом детский язык, ритмующийся с якутскими танцами «дьиэрэнкэй» и «осуохай», языком подавленных рабов и гордых властителей, с языком духа-огня, соответствующего его свойствам. Язык поэмы становится тяжелым и трудным, когда передается экстаз и напряжение шамана. Конечно, ни один перевод не может претендовать на точную передачу оттенков каждого слова...» [7, с. 117]. Более того, исследователи считают, что он развивал и фольклорный язык: «В обработке Ойунским народного творчества устный литературный язык стал образцовым и законченным» [9, с. 181], что и видно в его олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

Борьба Ойунского за свободу творчества

В 1930-х гг., когда соцреализм утверждался как единственный метод советской литературы, П. А. Ойунский, как бы найдя ответы на свои сомнения по этому поводу, был восхищен докладом Горького на I съезде советских писателей: «Алексей Максимович в своем докладе отметил, что нет ограничения в художественном методе нашей литературы, они могут быть разными, но служить единой цели. ...основываясь на

традициях фольклора, мифа, мы можем создать романтизм. Значение романтизма Алексей Максимович видит в создании революционных произведений» [5, с. 83-84].

П. А. Ойунский не мог не опираться на фольклор, т. к. считал его мощным источником для становления молодой литературы, с другой стороны, он сам был пропитан традициями народного устного творчества. В то время молодые писатели-нигилисты, пролеткультовцы отказывались не только от наследства т. н. «буржуазных» писателей, но и напрочь откращивались от традиций фольклора. И даже героический эпос-олонхо считался ими произведением темного, отсталого, необразованного народа. На такие выпады молодых критиканов П. А. Ойунский не только давал гневные отповеди: «Олонхи вы не предадите огню, как Герострат. Первой ступенью для развития художественного мышления любого народа становится его родной фольклор, эпос» [6, с. 107-108], но и делом доказывал тщетность, суетность и сиюминутность их усилий. В отместку и назидание им писатель создал свое произведение «С сияющим лицом красавица Туйаарыма Кую». А в дальнейшем взялся за огромный труд – написание олонхи «Нюргун Ботур Стремительный» в девяти частях, которому отдал несколько лет работы. Он как прекрасный знаток устного народного творчества создал свой эпос из 33 олонхи и представил лучший классический образец олонхи, состоящий из 40 тысяч стихотворных строк. Тем самым он не только обессмертил народный героический эпос, но и сделал его достоянием всего человечества: якутский героический эпос на заре нового XXI в. признан ЮНЕСКО мировым шедевром. И это стало предвидением великого писателя о бессмертности олонхи и воплощением его мечты о том, чтобы оценить древнее творение по достоинству.

П. А. Ойунский впервые взялся за фундаментальную научную работу по изучению генезиса и поэтики олонхи в своем труде «Якутская сказка (олонхи), ее сюжет и содержание» (1927). Он как учений считал эпос памятником мировоззрению, философии древнего народа и считал его источником познаний по истории, этнографии, философии народа, что видно по оглавлению его труда: «Представления древнего якута о мире», «Отражение семьи и брака», «Отражение следов матриархата», «Орудия борьбы и доспехи», «Культ и его эволюция», «Обычаи и нравы в героическую эпоху» и т. д.

В 1930-х гг, когда в советской литературе работал только один официально признанный метод социалистического реализма, произведения оценивались его критериями – партийностью, классостью и идейностью. Многие произведения не печатались, а некоторые писались заново. Так, автор одного из первых романов в якутской литературе «Весенняя пора» (1944) Амма Аччыгыйа был обвинен в безыдейности, беспартийности своего произведения, и автор вынужден был создать второй вариант романа, вышедший в 1951 г. Якутские литераторы до сих пор спорят, какой вариант его романа нужно признать подлинным. С конца 1920-х гг. на П. А. Ойунского начинают нападать молодые писатели, называя его «писателем-попутчиком». Видимо, как в басне И. Крылова «Моська и слон», они, критикуя именитого писателя, хотели утверждаться сами. В 1920-х гг. Ойунский давал им гневную отповедь в своих статьях и на т. н. «партийных чистках» как великолепный оратор, он истово защищал свое творчество. Особенно критиковали поэму П. А. Ойунского «Красный Шаман». Кюндя в своей статье «Фатализм, мистицизм и символизм в произведениях якутских писателей» (1926) писал: «Красный Шаман» Ойунского дышит пессимизмом... Поэт, если он выражает революционного пролетариата, должен верить в счастливую жизнь коллектива, коммуны... «Красный Шаман» – символическое произведение. Мы, культурные читатели, эти символы сможем расшифровать, а масса трудающихся якутов этого сделать не сможет... Такими символами перестали пользоваться даже символисты времен упадка, декаденства. Кутурган Кую – дьявол, а дьявол не сможет служить символом революции. Красный Шаман – символическая эмблема революционного поэта, но ничто революционное

не может символизировано в образе шамана, хотя бы и красного...» [10, с. 148]. Элляй в своей статье «Буржуазно-националистические тенденции в современной якутской литературе» (1931) писал: «Поэма Ойунского «Красный Шаман» в сущности представляет идеализацию жрецов шаманического культа... Подарив революционной современности поэму «Красный Шаман» – это одно из вреднейших своих произведений, Ойунский продолжает все более и более увлекаться тематикой «народной» мифологии, все более и более отдаляться от современности в литературных поисках...» [11, с. 217]. Ойунский на это аргументированно отвечает: «Каждый из нас может использовать сюжеты народных легенд и преданий двояким путем, путем художественного восприятия или путем научного записывания. Первым путем создается образ, вторым путем фиксируется факт. Как бы ни шумели мои некоторые современники, воспевающие глупейшие погребальные гимны народному творчеству, – их шум не заставит бросить недоконченный мой труд по народному творчеству и не заставит меня встать на путь крикливого осуждения народного творчества» [7, с. 119-120]. «Почем зря мудрствуют... Кто им сказал, что Красный Шаман – революционер?!! Кто сказал – в «Красном Шамане» изображается революционная борьба рабочего класса?!! Никто этого не утверждал» [6, с. 107]. Красный Шаман – не конкретный шаман, он, действительно, символ, олицетворяющий борьбу. Писатель ставит общечеловеческие проблемы бытия. Как олонхосут и как учений, П. А. Ойунский ценил шамана, который веками служил народу и перед которым народ преклонялся. Поэтому он официально взял себе фамилию Ойунский, «шаман» на якутском языке – «оыйун». С другой стороны, он продолжает традиции А. Е. Кулаковского, написавшего поэму-предвидение «Сон шамана» (1910), в которой автор устами шамана дает картину будущего мира.

П. А. Ойунский защищал свои художественные принципы и боролся за свободу в творчестве. Но наступали времена, когда из-за одного произведения можно было быть репрессированным. Обвинения в буржуазном национализме для писателя были сродни приговору.

Заключение

П. А. Ойунский верил, что родной народ его никогда не забудет и обессмертит его имя в истории. Писатель в конце своей жизни выбрал верный путь, посвятив свою жизнь творчеству и науке. Последней данью родной, любимой литературе были его слова, посланные из-за решетки: «Писатели – это моя «святая-святых», поэтому их я защищал и выгораживал здесь изо всех своих сил. Пусть пишут и творят и за меня!» [12, с. 188].

Ойунский верил в свой народ и писал:

*А якутский народ
Мою песню споет,
Среди ясного дня
Вспоминая меня... (Перевод В. Корчагина).*
Или:
*И я умру – мой прах исчезнет,
Травой мой холмик порастет.
Но мной оставленные песни
В столетьях сохранят народ... (Перевод В. Корчагина).*

П. А. Ойунский предвидел свою судьбу, утвердив победу Разума и свое бессмертие своими творениями. Писатель своими произведениями воздействовал на умы людей. Это была своего рода революция в литературе – он хотел изменить сознание народа, жившего древними устоями и подчинявшегося року, призывал вырваться из мрака темной жизни, стать свободными духом и строителями собственной жизни. Он в якутской литературе стал единственным представителем романтизма, творчеству революционного писателя были подвластны традиции национального фольклора и творчества великих романтиков

миро́вой литературы. Потому слагающими его творчества выступили традиции народного творчества, героического эпоса-олонхо, принципы великих писателей-романтиков и востребованность временем борьбы и бури.

Л и т е р а т у р а

1. Урастыров, К. Ойунский для нас был отцом / Новиков В. М. – К. Урастыров // Высекаю искру. На якутском языке. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – С. 228–240.
2. Кулаковский, А. Е. Предисловие к материалам для изучения верования якутов / А. Е. Кулаковский // Научные труды : Работы по этнографии и фольклору. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – С. 7–9.
3. Ойунский, П. Значение 100-летнего юбилея со дня смерти А. С. Пушкина и наши задачи / П. А. Ойунский // Сочинения. – Т. 7. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1962. – С. 71–82.
4. Горький, А. М. Письма в Сибирь / А. М. Горький. Новосибирск : Новосибгиз, 1934. – С. 97–98.
5. Ойунский, П. Прощай, великий Буревестник! / П. А. Ойунский // Сочинения. – Т. 7. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1962. – С. 82–89.
6. Ойунский, П. А. Спекулянты литературы / П. А. Ойунский // Сочинения. – Т. 7. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1962. – С. 106–109.
7. Ойунский, П. О переводе Красного Шамана» / П. А. Ойунский // Сочинения. – Т. 7. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1962. – С. 117–121.
8. Ойунский, П. А. Куданга Великий. Александр Македонский / П. А. Ойунский ; Перевод А. А. Борисовой. – Якутск : Бичик, 2000. – 160 с.
9. Слепцов, П. А. Якутский литературный язык : Истоки. Становление норм / П. А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1986. – 262 с.
10. Кюндя. Фатализм, мистицизм и символизм в произведениях якутских писателей // История якутской литературной критики (1917–1945 гг.) : Хрестоматия. – Якутск : Издательский Дом СВФУ, 2017. – С. 143 – 148.
11. Элляй. Буржуазно-националистические тенденции в современной якутской литературе / Элляй // История якутской литературной критики (1917–1945 гг.) : Хрестоматия. – Якутск : Издательский Дом СВФУ, 2017. – С. 196–222.
12. Заболоцкий, Н. М. Его завещание. / Н. М. Заболоцкий // За полвека. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1984. – С. 187–200.

R e f e r e n c e s

1. Urastyrov, K. Ojunsij dlya nas byl otcom / Novikov V. M. - K. Urastyrov // Vysekayu iskru. Na yakutskom yazyke. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – S. 228–240.
2. Kulakovskij, A. E. Predislovie k materialam dlya izucheniya verovaniya yakutov / A. E. Kulakovskij // Nauchnye trudy : Raboty po etnografii i fol'kloru. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – S. 7–9.
3. Ojunsij, P. Znachenie 100-letnego yubileya so dnya smerti A. S. Pushkina i nashi zadachi / P. A. Ojunsij // Sochineniya. – T. 7. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – S. 71–82.
4. Gor'kij, A. M. Pis'ma v Sibir' / A. M. Gor'kij. – Novosibirsk : Novosibgiz, 1934. – S. 97–98.
5. Ojunsij, P. Proshchaj, velikij Burevestnik! / P. A. Ojunsij // Sochineniya. – T. 7. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – S. 82 - 89.
6. Ojunsij, P. A. Spekulyanty literatury / P. A. Ojunsij // Sochineniya. – T. 7. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – S. 106–109.
7. Ojunsij, P. O perevode Krasnogo Shamana» / P. A. Ojunsij // Sochineniya. – T. 7. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – S. 117–121.
8. Ojunsij, P. A. Kudangsa Velikij. Aleksandr Makedonskij / P. A. Ojunsij ; Perevod A. A. Borisovo. – Yakutsk : Bichik, 2000. – 160 s.
9. Sleptsov, P. A. Yakutskij literaturnyj yazyk : Istoki. Stanovlenie norm / P. A. Sleptsov. – Novosibirsk : Nauka, 1986. – 262 s.

10. Kyundai. Fatalizm, misticizm i simvolizm v proizvedeniyah yakutskih pisatelej // Istoriya yakutskoj literaturnoj kritiki (1917-1945 gg.) : Hrestomatiya. – Yakutsk : Izdatel'skij Dom SVFU, 2017. – S.143–148.
11. Ellyaj. Burzhuazno-nacionalisticheskie tendencii v sovremennoj yakutskoj literature / Ellyaj // Istoriya yakutskoj literaturnoj kritiki (1917-1945 gg.) : Hrestomatiya. – Yakutsk : Izdatel'skij Dom SVFU, 2017. – S. 196–222.
12. Zabolotskij, N. M. Ego zaveshchanie. / N. M. Zabolockij // Za polveka. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. – S. 187–200.

OKOROKOVA Варвара Борисовна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: bokorsaisar@mail.ru

OKOROKOVA Varvara Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavrilievich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of the Yakut Language, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.